

Л. Э. Заварзина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ К. Д. УШИНСКОГО В КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

УДК 371
ББК 74.03

В статье анализируются причины послереволюционного (1917) забвения творческого наследия К. Д. Ушинского, а также рассматриваются обстоятельства, повлиявшие на актуализацию идей основоположника отечественной педагогики в канун Великой Отечественной войны.

Ключевые слова. К. Д. Ушинский; Великая Октябрьская революция; русское культурно-историческое наследие; Великая Отечественная война; родной язык; интернациональное, патриотическое воспитание.

L.E. Zavarzina

ACTUALIZATION OF K.D. USHINSKIY'S PEDAGOGICAL IDEAS IN THE EVE OF THE WORLD WAR II (1941-1945)

The article analyzes the causes of the post-revolutionary (1917) forgetting the creative heritage of K.D.Ushinskiy and discusses the circumstances that influenced the actualization of the ideas of the founder of domestic pedagogy in the eve of the Great Patriotic War.

Keywords: K.D.Ushinskiy, the Great October Revolution, Russian cultural and historical heritage, the Great Patriotic War, the native language, international, patriotic education

Еще при жизни К. Д. Ушинский был признан воистину идейным вождем российских педагогов и поэтому по праву являлся основоположником отечественной научной педагогики. М. Л. Песковский, его младший современник, справедливо утверждал,

что на сочинениях К. Д. Ушинского воспитался уже длинный ряд школьных поколений и в том числе — целый ряд народных учителей, благодаря как полезности, так и эффективности его книг. «Поэтому с уверенностью можно сказать, что имя Ушинского

есть имя *народное*» [1. С. 389]. П. Ф. Каптерев, ученый-педагог другого поколения, был уверен в том, что начала, которые проповедовал К. Д. Ушинский, обязательно войдут в жизнь. На чествовании памяти К. Д. Ушинского в связи с 25-й годовщиной со дня его смерти в Педагогическом музее военно-учебных заведений Петербурга, П. Ф. Каптерев, обращаясь к портрету автора «Родного слова», произнес: «Учитель! Народный поэт сказал: “Сейте разумное, доброе, вечное, сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ!” — Эти слова про тебя сказаны, ибо ты щедрой рукой рассыпал миллионы плодотворных зерен в русском народе. Твои ученики, вспоминая ныне твои дела и идеи, глубоко прониклись сознанием важности и плодотворности их, от глубины сердца восклицают: вечная память тебе! Вечная память твоим идеям!» [2. С. 90].

Незыблемость авторитета К. Д. Ушинского, его значение для русской школы отмечали все авторы, писавшие о великом педагоге и анализировавшие его наследие. Так, дореволюционная библиография работ о К. Д. Ушинском включает более 480 позиций [3. С. 565—599].

Однако после Великой Октябрьской революции отношение к педагогическому наследию К. Д. Ушинского резко меняется: диаметрально противоположной становится точка зрения большевистской власти на историческое прошлое России.

Лозунг «Бросим Пушкина с кобры современной!», провозглашенный некоторыми литераторами,

пришелся как нельзя кстати. Начиная с VIII съезда РКП(б) (март 1919), на котором впервые прозвучало знаменитое ленинское определение русской нации как «нации кулацкой и давящей», целенаправленно культивировалось негативное отношение к истории России, ее народным героям, фольклору, богатому духовому наследию. «Только ненависть и презрение может вызвать прежняя царская Россия», — горячо утверждал революционер, впоследствии партийно-советский функционер Н. А. Скрыпник [4. С. 74].

XII съезд РКП(б) (апрель 1923) призвал к «решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма». Н. И. Бухарин, выступая на этом съезде, ссылаясь на В. И. Ленина, потребовал от русских как «бывшей великодержавной нации» забыть о равноправии и «искусственно себя поставить в положение более низкое по сравнению с другими; только этой ценой, — утверждал он, — мы можем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» [5. С. 613].

Позже в печально знаменитых «Злых заметках», опубликованных в «Правде» (12 янв. 1927), Н. И. Бухарин сознательно обращает внимание только на отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера» и считает недопустимым, чтобы современные литераторы, например, поэт С. Есенин, воспевали «русское начало».

Официальный историк молодого советского государства М. Н. Покровский и его школа пришли к убеждению, что термин *русская история*

есть контрреволюционный термин. Названия «русская история», «история России», по мнению советских историков, пронизаны великодержавным шовинизмом и не могут быть приняты марксистской историографией. Поэтому Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов (28.12.1928 — 04.01.1929) ввела в научный оборот термин «история народов СССР».

Вообще подавать историю, по мнению партийного публициста Ю. Ларина (М. А. Лурье), надо «большими мазками: докаменный человек, человек каменной техники, век металла и современность» взамен того, чтобы отдельные главы посвящать великим русским князьям: Олегу, Святославу, Владимиру Мономаху и др. [Цит. по: б. С. 213].

В учебниках М. Н. Покровского русская история освещалась исключительно в негативном плане, Россия именовалась не иначе, как «тюрьма народов». Неудивительно, что пролетарские и комсомольские поэты быстро уразумели установку партии. Так, Джек (Яков) Алтаузен, начитавшись учебников М. Н. Покровского, в стихотворении «Безусый энтузиаст» называл историю России злой и вообще предлагал «расплавить» Минина и Пожарского. «Зачем им пьедестал?» — вопрошал он и заключал, что «Довольно нам двух лавочников славить». Поэт В. Д. Александровский в стихотворении «Русь и СССР», опубликованном в «Правде» (13 авг. 1925), создал поистине негативный образ Руси, «слепой и глупой старухи», которая «не жила, а только

охлахла» и наконец-то она «Сгнила! Умерла! Подохла!». Пожалуй, больше других поэтов преуспел в создании отталкивающего образа родной страны Демьян Бедный. В поэтическом фельетоне «Слезай с печки!» («Правда» 7 сент. 1930) автор не скрывал презрения к русскому народу, его национальному характеру, истории и культуре. По мнению Демьяна Бедного, «Рассейская старая горекультура» — это «Дура!!», а «Страна неоглядно великая» находится «В хвосте у культурных Америк, Европ». В другом стихотворении «Перерва» («Правда» 11 сент. 1930) поэт добавил новые штрихи к негативному образу Родины.

Хотя за честь русского народа после опубликования стихотворений Демьяна Бедного вступился Сталин, но это еще не означало, что объективность по отношению к историческому прошлому русского народа восторжествовала. Интернационализм и классовая борьба как движущие силы истории первых десятилетий советской власти привели, по мнению П. Б. Струве, к отцеубийственному разрыву «с великим национальным прошлым» [7. С. 177].

Главной задачей школьного воспитания становилось нарочито интернациональное, а не патриотическое. По мнению А. В. Луначарского, первого наркома просвещения РСФСР, любовь к родине, которую воспитывала старая дореволюционная русская школа, надо решительно отбросить. Следует воспитывать людей «абсолютно одинаково любящих каждую сажень нашего земного шара». Нарком

писал, что «преподавание истории в направлении национальной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено» [8. С. 10].

Итак, в результате строительства большевиками революционного водораздела не только имена государственных героев, народных героев, но и многих великих ученых были забыты, вычеркнуты идеологическим пером из истории отечественной культуры. Не стал исключением и К. Д. Ушинский. В Библиографическом перечне работ об авторе «Родного слова» почти за 20 послереволюционных лет (до 1937 г.) добавилось всего семь позиций, но это не отдельные работы, посвященные анализу его творчества, а лишь главы или параграфы из «Историй педагогики», в которых невозможно было не упомянуть имя великого педагога. Удивляться этому не приходится, поскольку, по словам С. Ф. Егорова, после революции К. Д. Ушинского «клеямили идеалистом, абстрактным гуманистом, защитником монархии и православия и т. п. нелестными, с точки зрения их авторов, эпитетами» [9. С. 82], поэтому об изучении его творчества не могло быть и речи.

Однако международная обстановка, резко обострившаяся уже к началу 30-х гг. XX в., заставила И. В. Сталина и его окружение срочно менять воспитательные векторы. К этому времени уже был установлен фашистский режим Муссолини в Италии; в 1933 г. рейхсканцлером Германии стал Гитлер, в следующем году он к этому посту присоединил еще и пост президента, став единолич-

ным правителем государства; в 1936 г. будущий диктатор и глава (каудильо) Испании Франко возглавил военно-фашистский мятеж против Испанской республики. Все эти события делали международную обстановку чрезвычайно тревожной и взрывоопасной. Дыхание войны чувствовалось и в Советском Союзе, что, впрочем, и не скрывалось: об этом напоминали песни («Если завтра война, если завтра в поход...») и стремление молодежи получить значок ГТО («Готов к труду и обороне»).

Советская школа в середине и второй половине 30-х гг. пережила серьезные трансформации. Правительство понимало, что завтрашние солдаты — это сегодняшние школьники. Поэтому партийно-правительственные предписания были направлены на стремительное превращение школы в эффективный и всеобъемлющий рычаг по патриотическому воспитанию молодого поколения и подготовке его к труду и обороне.

Смена воспитательного вектора пришлось на печально знаменитый 1937 г. «Большой террор» не заслонил внешнего общественного мажора, заданного плеядой знаковых событий: успешное завершение второй пятилетки свидетельствовало об экономической независимости страны; триумф советского павильона на Всемирной выставке в Париже подтверждал признание СССР в международном масштабе; открытие канала Москва — Волга, запуск новых станций Московского метрополитена, удешевление многих промышленных и продуктовых товаров убеждали советских

людей в правильности партийно-правительственного курса.

Особую роль в 1937 г. призваны были сыграть две даты: 20-летие Октябрьской революции и 100-летие гибели великого русского поэта А. С. Пушкина. Причем пушкинский юбилей превзошел празднование Октября. Руководство страны, пишет И. В. Волкова, стремилось «утвердить в сознании граждан СССР и мировой общественности принципиальное отличие советского культурного строительства от культуркампфа в гитлеровской Германии с его мракобесием и вандализмом в отношении культурных ценностей. Партийные руководители столицы доводили до сведения учителя: «Юбилей Пушкина имеет громадное политическое значение, и в пушкинские дни мы демонстрируем наше социалистическое отличие от стран западноевропейского фашизма, где в школьных учебниках зачеркивают Гете и Гейне, а у нас вся страна от полярников Чукотки до пограничников Приморья читает и любит Пушкина» [10. С. 103].

Еще одно сильное воспитательное средство партийно-правительственное руководство справедливо увидело в актуализации педагогического наследия великого русского педагога К. Д. Ушинского.

В 1937 г. резко меняется отношение советской власти к наследию К. Д. Ушинского. П. И. Девин в статье «Значение Ушинского в истории педагогики» даже вступил в полемику с официальным советским историком педагогики Е. Н. Медынским по поводу статьи последнего, опублико-

ванной в газете «За коммунистическое просвещение» [11]. П. И. Девин не отрицал идеалистических и религиозных элементов, характерных для философии К. Д. Ушинского. Но в то же время он отметил, что отличительными признаками оригинальной педагогической системы основоположника российской педагогической науки является прогрессивность, широта и смелость его исканий, что отразилось в разработке учебно-воспитательных основ начальной школы, ее учебных планов, учебников и методических руководств для учителя. Вскоре была дана главная установка к переосмыслению и серьезному научному изучению трудов К. Д. Ушинского «с марксистской точки зрения»: в газете «Правда», органе ВКП(б), выступил Д. Мурманов со статьей «Великий русский педагог и его судьба» [12].

Основной педагогической идеей К. Д. Ушинского является патриотическая идея народности. Он неоднократно писал о нравственном воспитании, о любви к родине как неотъемлемой черте русского народа. Именно перу К. Д. Ушинского принадлежит знакомый всем с детства текст: «Наше отечество, наша родина — матушка Россия. Отечеством мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовем ее потому, что мы в ней родились, в ней говорят родным нам языком и все в ней для нас родное, а матерью — потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила языку, как мать, защищает и бережет нас...

Одна у человека родная мать, одна у него и Родина» («Родное слово»).

Наиболее полно идея народности раскрыта К. Д. Ушинским в статье «О народности в общественном воспитании» (1857), которая не только объемна по размеру (более ста страниц), но и глубока по силе мысли, интересна и содержательна по привлеченному историко-педагогическому и философско-психологическому материалу. К. Д. Ушинский, охарактеризовав немецкое, английское, французское и североамериканское воспитание, заключил, что национальные особенности этих народов нисколько не нивелируются, а наоборот, эксплуатируются, давая при этом положительный эффект.

Особенности воспитания, по мнению К. Д. Ушинского, зависят не от случайных обстоятельств, «но выходят из более глубокого источника: из той особенной идеи о воспитании, которая составила у каждого народа. <...> Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы» [13. С. 122].

Воспитание не может не учитывать силу народности, проявляющуюся в каждом человеке: «Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует

гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкорененной страхом наказаний» [Там же. С. 160]. Таким образом, если воспитание «не хочет быть бессильным, должно быть народным» [Там же].

Народность, с точки зрения К. Д. Ушинского, является единственным источником исторической жизни государства. Общественное воспитание как один из важнейших процессов общественной жизни, посредством которого новые поколения связываются общей духовной жизнью с предыдущими, не может отказаться от народности. В этом смысле благом является то, что «Школьное воспитание далеко не составляет всего воспитания народа. Религия, природа, семейство, предания, поэзия, законы, промышленность, литература, — все, из чего слагается историческая жизнь народа, — составляют его действительную школу, перед силой которой построены на началах искусственных, совершенно ничтожна» [Там же. С. 148].

К. Д. Ушинский неоднократно подчеркивал, что «именно основания воспитания и цель его, а следовательно, и главное его направление различны у каждого народа и определяются народным характером, тогда как педагогические частности могут свободно переходить и часто переходят от одного народа к другому» [Там же. С. 144].

К. Д. Ушинского нисколько не смущало то, что наш патриотизм часто называют *квасным*. Он не находил в этом ничего плохого, а только возмож-

ность провести параллели с другими народами: «Не забудем, однако ж, что если от нашего патриотизма пахнет иногда русским кваском, то и английский также не лишен запаха ростбифа, пудинга, джина, а немецкий сильно отдает пивом и табаком. У всякого народа есть свои патриотические предубеждения» [Там же. С. 472—473].

Особая заслуга педагога состояла также в том, что он на первое место в учебном плане школы выдвинул родной язык, роль которого в формировании нации ничем заменить нельзя. Знаменитая статья К. Д. Ушинского «Родное слово» — это философская концепция взаимосвязи народа и языка: народ — создатель языка, язык — учитель народа, хранитель его истории, быта, традиций, верований, изменений в материальной и духовной сферах жизни. Каждое поколение в сокровищницу родного слова передает плоды своих исторических событий, своих достижений. К. Д. Ушинский прав в том, что язык — это «самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения в одно великое, историческое живое целое» [Там же. С. 557]. Статья явилась своеобразным гимном родному языку. В статье «О необходимости сделать русские школы русскими» он писал, что «нам не мешало бы занять ... одну черту из западного образования — черту уважения к своему отечеству» [14. С. 309].

Таким образом, востребованность педагогических идей К. Д. Ушинского была обусловлена самой жизнью. О роли родного языка в жизни народа уже в период Великой Отечественной

войны писали в своих ярких публицистических статьях выдающиеся писатели, поэтическим словом подчеркивали эту мысль поэты. Так, А. Н. Толстой в статье «Родина» (1941) писал, что русский народ «дивной вязью» «плел невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга, — вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел все, что видел и о чем думал» [15. С. 185]. Как же можно допустить, чтобы «русский хлеб душистый» стали теперь называть немецким словом *brot*.

Сокровенные мысли о родном слове были в душе у каждого русского человека. Поэты их оформляли в строгие и чеканные строки. Так, А. А. Ахматова в феврале 1942 г. в стихотворении «Мужество» писала:

Не страшно под пулями мертвыми
лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская
речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Поэты и писатели, деятели культуры понимали, как важно патриотическое воспитание народа. С большим опозданием это поняли и советские идеологи, чиновники Наркомпроса. Хорошо было то, что в богатом арсенале отечественной культуры хранилось педагогическое наследие К. Д. Ушинского. Поэтому из его «Родного

слова» в срочном порядке брались тексты в учебники русского языка, дидактический материал для уроков чтения в начальной школе также претерпел изменения, учителя и воспитатели получали рекомендации по патриотическому воспитанию школьников [См., например: 16]. Даже всесоюзный староста М. И. Калинин в своих выступлениях перед политработниками Красной Армии и Военно-морского флота и перед заведующими областными (краевыми) отделами народного образования опирался на идеи и мнения К. Д. Ушинского [17].

В 1939 г. был издан двухтомник избранных произведений К. Д. Ушинского, публиковались отдельные его произведения, а в 1945 г. по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР была начата работа над 11-томным собранием его сочинений. Начиная с 1938 г., количество научных трудов, освещающих разные стороны деятельности педагога, анализирующих его богатейшее творческое наследие, существенно увеличивалось: в 1945 г. их число достигло 123 [3].

В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны актуальным стало не только психолого-педагогическое наследие К. Д. Ушинского, особую значимость обрело изучение его биографии, поскольку мощным воспитательным эффектом обладала его личность, его жизнь и плодотворная деятельность на благо отечественного образования.

В Ушинском-педагоге гармонично соединились высоко нравственная личность российского патриота, ис-

кренне обеспокоенного судьбой своей страны, ее развитием, и выдающегося ученого, основавшего отечественную педагогическую науку.

Работоспособная, целеустремленная, с сильной волей, независимыми суждениями, сформировавшаяся в благоприятных условиях школьных и университетских лет, цельная личность К. Д. Ушинского всегда жаждала деятельности на благо Родины. В юношеских дневниках — подтверждение этому: «В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и все-таки работать до конца жизни...» [3. С. 12]. Даже в студенческие годы будущий педагог относился к себе с беспощадной критикой, расписывал по минутам свои действия, размышлял о своем долге перед народом, о цели и смысле жизни: «Приготовлять умы! Рассеивать идеи!.. Вот наше назначение... Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства!» [Там же. С. 11]. 19 декабря 1849 г., уже служа в Ярославском демидовском лицее и.о. профессора камеральных наук, он записал: «Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней я должен направлять все свои способности» [Там же. С. 43].

Поэтому неудивительно, что в лихую годину Великой Отечественной войны в серии «Великие люди русского народа» (1943) был опубликован биографический очерк о К. Д. Ушинском, автор которого В. Я. Струминский. Еще до войны он

активно работал над изучением творческого наследия педагога, а впоследствии стал одним из членов редакционной коллегии по изданию 11-томного собрания сочинений К. Д. Ушинского (М.-Л., 1948–1952).

Отрадно, что хотя и с большим опозданием, творческое наследие

К. Д. Ушинского заняло свое достойное место в отечественной духовной культуре. Тем самым были восстановлены как историческая справедливость по отношению к выдающимся ученым прошлого, так и преемственность педагогических идей, прерванная революционным вихрем.

Список литературы

1. Песковский, М. Л. Константин Ушинский / М. Л. Песковский // Песталоцци. Новиков. Каразин. Ушинский. Корф: Биограф. повествование. — Челябинск, 1997. — 523 с.
2. Чествование памяти К. Д. Ушинского // Образование. — 1896. — № 1.
3. Ушинский, К. Д. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. — М.-Л. : Академия пед. наук, 1952. — 727 с.
4. 11 съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет. — М., 1961. — с. 74.
5. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. — М., 1968. — с. 613.
6. Брачев, В. С. Крестный путь русского историка. Академик С. Ф. Платонов и его «дело» / В. С. Брачев. — СПб., 2005. — 436 с.
7. Струве, П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России / П. Б. Струве // Публицистика русского зарубежья. — М., 1999. — 177 с.
8. Луначарский, А. В. О преподавании истории в коммунистической школе / А. В. Луначарский. — Пг., 1918. — с. 10.
9. Егоров, С. Ф. Историко-педагогический комментарий. Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола / С. Ф. Егоров // Педагогика. — 1999. — № 5.
10. Волкова, И. В. 1937 год: преломление эпохи в праздничной жизни советских школьников / И. В. Волкова // Педагогика. — 2014. — № 4. — с. 103.
11. Девин, П. И. Значение Ушинского в истории педагогики / П. И. Девин // Советская педагогика. — 1937. — № 2.
12. Мурманов Д. Великий русский педагог и его судьба / Д. Мурманов // Правда. — 1937. — № 99 (10 апреля).
13. Ушинский, К. Д. Собр. соч.: В 11 т. Т. 2. — М.-Л. : Академия пед. наук, 1948. — 655 с.
14. Ушинский, К. Д. Собр. соч.: В 11 т. Т. 3. М.-Л. : Академия пед. наук, 1948. — 689 с.
15. Толстой, А. Н. Публицистика / А. Н. Толстой. — М. : Советская Россия, 1975. — с. 185.
16. Сватиков, Ф. Ф. Великий русский педагог К. Д. Ушинский о народности и воспитании любви к родине / Ф. Ф. Сватиков // Начальная школа. — 1942. — № 8.
17. Калинин, М. И. Роль и задачи политработников Красной Армии и Военно-морского флота. Речь на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической ордена Ленина Академии Красной Армии им. В. И. Ленина 19 сент. 1940 г.; он же. Речь на Всероссийском совещании заведующих областными (краевыми) отделами народного образования и наркомов просвещения АССР 30 янв. 1941 г. / М. И. Калинин // О коммунистическом воспитании и обучении. — М., 1948.